

Инна Квасивка

Во времена года

Одичала природа

Так холодно, что хочется в постель
среди бела дня. В сугробах одеяла
укрылся май. И лету не поспеть,
как небу с теплой мякотью в начале
черешневого утра. Одичала
природа, надоедливой осой
об окна бьется. Злобная, постой!
Яви покой и жалость вместо жала.

Так солнечно, что кроны тополей,
ником не коронованных, по-царски –
в серебряном свечении, и блеск
лучей на листьях ярче, чем на цацках.
Нелепо и смешно зубами клацать,
пока всю беснуется весна,
но ей ли, неприкаянной, не знать,
что солнцу на ветвях не удержаться?

Когда во всей округе ни души
(так прячутся от пекла перед ливнем),
хранитель рук, заложник ног, дыши,
квартирный бог, дыши неторопливо
больной весной в тисках оконных линий
и время одиночеству отмерь:
я так же, как невидимая смерть,
за масками высматриваю лица.

С опасливостью птицы кто-нибудь,
быть может, подойдет ко мне и даже
со мной разделит радость на беду
обоим нам – и нас обоймой свяжет
весна.

Весна! Не выстрелив однажды,
дай ощутить, что рядом человек,
что я жива, что твой осиный век
осечкой не оправдан, но изглажен.

Зима и чайка

Холодный берег голодно кричит,
у водной кромки густо оперившись,
не чайка замирает на перилах
пустого пирса, словно за крючки
дурных воспоминаний зацепилась,
но ты; искала море – и мерило
людского сожаления нашла.

За свежий мякиш вольные на шаг
стремительней становятся и ближе,
так пылко волны птицам лапки лижут,
что кажется, и буря здесь нежна,
и мертвые медузы больше слизи,
и я себя чуть меньше ненавижу
за то, что ты отчаянно бела.

Загаданная вьюга не сбылась,
но вместо снежных – птички карусели
вокруг меня замкнулись и взлетели
к огню, где поднимаются хлеба
горячих облаков и карамелью
стекает солнце; милая, смелее –
давай вкушать с насущным и рассвет!

Да не нарушит мрачная завет
воды со светом в явной благодати
первоначальных таинств, не загладит
свою вину и волны льдом, а ведь
морозы ей ко времени и к стати,
но заклинаю небом: Бога ради –
не кисни, будто южная зима!

Пусть море чайкам служит, как слезам
служила ты, – давая плеск и волю,
пусть берег слышит нас, когда мы молим
вполголоса о помощи, слизав
песчинки с мокрых губ и привкус соли,
и воскресает шторм – не все равно ли
неверящим в спасительный покой?

Не искупить уныние скупой
улыбкой февралю, невыносимо
смотреть на птиц, платящих серым зимам
за крошки белой роскошью, какой
и в первом снеге нет; пока по силам
тебе дышать, бескрылая, во имя
моей зимы прошу: еще живи.

Здесь и сейчас

Здесь и сейчас каждый праздный почти поэт,
всякому богомолу своя невеста,
новым паяцем распит мой Господь, распет,
дитятком не судим – на груди повесят.

От Рождества до Пасхи и даже после
день уступает ночи, как Петр апостол,
солнце, с крюка срываясь, уходит в муках
и воскресает – только протянешь руку.

Здесь и сейчас я не славлю ничьих побед,
в жертву которым – зуб или око, снова
вместо Саула за погранный им обет
волей-неволей платят сыны Иова.

От синагог до храмов многоголосых
братьев земля прощает, как сам Иосиф,
нищие духом кротко ложатся в ямы –
и обретают царство над облаками.

Здесь и сейчас не под лавкой, так под скамьей,
волхв получает дар без Христовой меры,
не оттого ли ты, сжавшееся комком,
иглы топорщишь, веруешь и не веришь?

От искушенных миром – жрецы – до смирных
жаждут священной власти, как идол Симон,
крыльями мантий черные херувимы
губят чистосердечных, да не судимы.

Здесь и сейчас я –
всего лишь недопоэт,
слабое эхо вердиктов «ни да, ни нет»,
тонкая кожа для камуфляжных ножен,
ноль, пустота – напрасно делить и множить.
Бремя посильно ли?
Время уходит прочь,
все, чего я не могу и чего не смочь, –
Ты за меня, Господь, сотворишь и сможешь.

